

“В данной ситуации приходится выбирать не из лучших вариантов”

Ведущий программы «Сегодня» на НТВ Михаил Осокин ответил на вопросы Газеты.

Объективна ли, на ваш взгляд, историка по образованию, та картина создания НТВ, которая нарисована прессой и участниками событий?

В общем, да. Все эти годы ваши коллеги опрашивали многих людей с разными взглядами, с разными жизненными историями. Из этих разных взглядов сложилась общая мозаика, которая дает полное и достаточно объективное представление.

Евгений Киселев считает, что еще мало времени прошло и о многих вещах пока не принято говорить. Вы согласны с ним?

Он просто был вовлечен в какие-то тайные закулисные интриги, как обычно бывает на уровне руководства. Видимо, он имел в виду эти вещи.

Как вы попали на НТВ?

Я на НТВ работал с первых дней. Когда только создавалась компания в 1993 году, Евгений Киселев и Олег Добродеев пригласили меня на встречу в ресторан — так обычно все переговоры деловые тогда проходили. Это был один из первых кооперативных ресторанов. И за обедом они сделали мне предложение. Я тогда работал на Центральном телевидении, на первом канале в программе «Время». Именно там мы и познакомились с Добродеевым, который там тоже когда-то работал. А с Киселевым мы вообще друзья еще с университета.

Не страшно ли вам было менять довольно престижную работу на полную неизвестность?

Конечно, страшно. Тем более что это был первый опыт создания негосударственной крупной телевизионной компании в стране. Никто не знал, как пойдет дело, были опасения, не лопнет ли это в первые же месяцы. Я обдумывал предложение, наверное, неделю. И в конце концов решил, что это интересный вызов, который следует принять. Меня заинтересовал этот проект. Они рассказывали о планах создания самостоятельной компании, где все будет по-другому, где все создается с нуля, где будет совсем другая атмосфера, нежели на уже существующих телеканалах... Это ведь тоже очень важно.

Надежды оправдались?

Сполна, потому что люди на НТВ приходили по собственному выбору. При этом те, кто создавал канал, старались делать предложения людям, которых знали, знакомым, которым симпатизировали, поэтому на НТВ подобралась очень хорошая компания. Начало работы НТВ — это дни бесконечных заседаний, решения проблем, кого пригласить, с кем договориться, как провести переговоры, допустим, с агентством Reuters, чтобы получать от них видеoinформацию, как подписать договоры... Все время было общекolleктивное обсуждение. Никто же ничего не знал тогда.

Газета — 2003 — 10 окт. — с 9.

Свой первый эфир хорошо помните?

Честно говоря, нет. Не я же начинал. Я просто продолжил то, что уже было начато. Хорошо помню, что первая студия была ужасная, окрашенная в серые тона, поэтому нас с Таней, как ведущих, прозвали «каменный гость».

Неужели денег на нормальную студию не нашлось?

Денег поначалу действительно было мало. Все создавалось на голом месте, нужно было закупать дорогую технику. Не было достаточного опыта — брали все, что придется. К тому же эта студия с самого начала рассматривалась как временная, пока мы вещаем через Питер. Тогда уже собирались создавать более современную студию.

А планы перехода на четвертый канал были с первых дней работы?

Я думаю, что это относится как раз к тем тайнам, которых мы еще не знаем. Насколько я знаю, переговоры велись на очень высоком уровне.

Как создавались новые подходы к информации, которые стали фирменной визиткой НТВ?

Очень просто. Люди получили возможность свободно работать по сравнению с государственным телевидением, где, естественно, существуют определенные рамки. Все понимали, что они хотели бы делать и чего они не могли делать там, на федеральных каналах. Тогда мы очень много смотрели и выпускали Си-эн-эн, и Би-би-си, и других телекомпаний, чтобы перенять у них что-то полезное. Ведь когда создаешь с нуля, можно сформировать заново, поэтому мы старались учесть и западный мировой опыт. Поначалу, может быть, были какие-то остатки внутренней самоцензуры — все-таки непривычно, когда все нельзя-нельзя, а тут

вдруг — можно. И все зависит от тебя: как ты смотришь на события дня, как ты их видишь, так и ставишь.

А на НТВ какие-то последствия этой свободы бывали?

Естественно. Не то чтобы какие-то административные оргвыводы, но после многих сюжетов, сообщений начинались звонки сверху: «Как же так?! Что вы такое говорите?!» Но, слава Богу, прямой эфир обладает этим волшебным свойством: можно все сказать, а потом разбираться. Например, помню, как мы показали человека, похожего на Путина. Буквально увидели в какой-то официальной хронике очень похожее лицо и стали строить предположения, что, возможно, это двойник, который специально выпускается, чтобы проверить на себе меры безопасности... Из администрации тут же позвонили. Во-первых, с опровержением, а во-вторых, с критикой, почему мы затрагиваем такую скандальную и маловероятную тему. Ничего, пережили!

Владимир Гусинский как-то вмешивался в творческий процесс?

Нет, я общался с ним очень мало (не считая его приездов в годовщины) — только когда его посадили в тюрьму и потом освободили, когда все приехали к нему на встречу, он рассказывал свои впечатления о тюрьме... Я видел его пару раз.

То есть канал создавался, по сути дела, журналистами?

Насколько я понимаю, это была позиция Гусинского: он отдает канал на откуп профессионалам. Ему хотелось, чтобы было создано качественное, интересное, новое телевидение. А как — это уж мы решали сами. Конечно, они с руководством общались на своем уровне, но на нашем — уже нет.

С конца девяностых говорили про некий новый, особый дух, царивший в коллективе. В чем он проявлялся?

Новый дух — это то, что было создано командой единомышленников. Общая работа всех так сплотила, что возникло ощущение большой семьи. Для меня это был уникальный опыт, нигде на предыдущих работах я с этим не сталкивался. Сейчас этого, естественно, нет, по разным причинам. Многие из тех, кто работал раньше, ушли. Многие новые люди пришли. Наверное, это происходит в любой компании, даже в той, которая и не переживала таких потрясений, какие были на НТВ. Вслед за розовым периодом младенчества и юности наступает период зрелости. Сейчас отношения деловые, нельзя говорить о какой-то семье, но, может быть, это и к лучшему. Потому что в семье бывает, что, если человек даже ошибается, ему дают поблажку, потому что это свой, к нему особое отношение. А сейчас уже все строится, пожалуй, в более цивилизованной форме.

На какие знаковые этапы вы разделили бы эти десять лет?

Где-то до 1996 года я бы называл периодом «чистой» информации, когда компания старалась во всем придерживаться объективности. После 1996 года — период выборов президента — были и обострения, противостояние различных групп, некие игры, некое участие на одной или другой стороне, что, конечно, сказывалось на качестве информации. К счастью, это все-таки было не часто и реже, чем на других каналах, скажем так. А третий период начался с захвата НТВ новым руководством, которого уже нет.

А сейчас четвертый?

Сейчас четвертый, если не пятый... Поскольку я тогда ушел, мне трудно судить об этих процессах. Но это уже следующий процесс. Тех, кто осуществлял этот захват, убрали. Пришло новое руководство, в том числе и люди, которые тогда ушли с НТВ, и, собственно, именно это позволило мне принять решение вернуться. Потому что, если бы осталось прежнее руководство, я бы не вернулся. Ситуация изменилась, к счастью.

Но хозяева-то те же...

Хозяева те же, но я не замечаю их особого вмешательства... Жить можно.

А сильно ли изменились подходы к работе за те два года, которых вас не было?

По информации — нет. Я стараюсь работать так же, как и раньше: сам смотрю, как выстроить сегодняшний информационный день, какие события взять, главные, не главные, как все это сделать... Но, естественно, ограничений стало больше. Так ведь и страна изменилась. Я утешаюсь тем, что я и мои коллеги все-таки имеют возможность работать на федеральном канале, который наиболее отстранен от государства. В данной ситуации приходится выбирать не из лучших вариантов.